

Челябинский гуманитарий. 2023. № 1 (62). С. 32–38.

ISSN 1999-5407 (print).

Chelyabinskij Gumanitarij. 2023; 1 (62), 32–38.

ISSN 1999-5407 (print).

Научная статья

УДК 930.85

МЕМОРИАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ: МЕЖДУ МЕСТОМ ПАМЯТИ И ПАМЯТЬЮ МЕСТ

Людмила Борисовна Зубанова

Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия, milazubanova@gmail.com

Аннотация. В статье осмысляются проблемы исторической и культурной памяти через обращение к мемориальной идентичности как базиса осознания собственного места в истории и истории места, оказывающего воздействие на самоидентификацию человека. Особое внимание уделяется потребности современных аудиторий в символических маркерах и нарративах, репрезентирующих культурную память в мифе.

Акцентируется внимание на проблематизации подходов к исторической памяти в актуальных исследованиях тематического издания «Memory Studies». Концепт «память места» анализируется в предметной выраженности конкретного памятника культурного наследия.

Теоретические положения статьи иллюстрируются результатами социологического опроса жителей Южного Урала, посвященного восприятию археологического памятника Аркаим. На материалах опроса 500 человек, осмысляется идентификация аудиторий через археологический компонент мемориальной идентичности. Делается вывод о лояльности жителей в оценке культурно-исторической ценности Аркаима, указании на его уникальность и ценность для культурной памяти региона.

Сопоставляются различные ассоциативные маркеры восприятия Аркаима в сознании аудиторий: научное знание, мистические и эзотерические образы, туристический объект.

Делается вывод о продуктивности соединения мифологического и исторического компонентов функционирования археологического наследия.

Ключевые слова: мемориальная идентичность, память места, места памяти, мифологизация прошлого, археологический памятник Аркаим.

Благодарности: Статья подготовлена в рамках гранта Российского научного фонда № 23-18-20098 (региональный конкурс Челябинской области), проект: «Материализованная идентичность: конструирование памяти в социально-экономической перспективе (на примере археологического памятника Аркаим)».

Для цитирования: Зубанова Л. Б. Мемориальная идентичность: между местом памяти и памятью мест // Челябинский гуманитарий. 2023. № 1 (62). С. 32–38.

Original article

MEMORIAL IDENTITY: BETWEEN THE PLACE OF REMEMBRANCE AND THE MEMORY OF PLACES

Ludmila B. Zubanova

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia, milazubanova@gmail.com

Abstract. The article conceptualizes the problems of historical and cultural memory through the appeal to the memorial identity as the basis of awareness of one's own place in history and the history of place, which has an impact on the self-identification of a person. Particular attention is paid to the need of modern audiences for symbolic markers and narratives, which represent cultural memory in myth. Attention is focused on the problematization of approaches to historical memory in the current studies of the thematic edition "Memory Studies". The concept "memory of a place" is analyzed in the object expression of a concrete monument of cultural heritage. The theoretical provisions of the article are illustrated by the results of a sociological survey of the residents of the Southern Urals, dedicated to the perception of the archaeological monument Arkaim. On the materials of the survey of 500 people, the identification of the audience through the archeological component of the memorial identity is comprehended. The conclusion is made about the residents' loyalty in assessing the cultural and historical value of Arkaim, pointing out its uniqueness and value for the cultural memory of the region.

Various associative markers of the perception of Arkaim in the minds of the audience are compared: scientific knowledge, mystical and esoteric images, tourist object.

The conclusion is made about the productivity of combining mythological and historical components of archaeological heritage functioning.

Key words: memorial identity, place memory, places of memory, mythologization of the past, Arkaim archaeological site.

Acknowledgments: The article was prepared within the framework of the grant of the Russian Science Foundation No. 23-18-20098 (regional competition of the Chelyabinsk region), project: “Materialized identity: the construction of memory in the socio-economic perspective (on the example of the archaeological site Arkaim)”.

For citation: Zubanova L. B. (2023). Memorial identity: between the place of remembrance and the memory of places. *Chelyabinskij Gumanitarij*, 1 (62), 32–38.

Введение

В современной гуманитаристике всё с большей очевидностью наблюдается обращение к проблематике памяти и историческому прошлому. В популярной концепции исследовательских «поворотов», наряду с антропологическим, лингвистическим, визуальным (иконическим), цифровым – фигурируют сегодня *мнемонический* и *мемориальный*. Ян Ассман, в свете предложенной Т. Куном модели научных парадигм, обозначает такой интерес исследователей как «новую парадигму наук о культуре, образующихся вокруг понятия «память»» (Ассман 2004: 11). Алейда Ассман говорит об особом темпоральном режиме существования, оформляя его в концепте «мемориальной культуры» (Ассман 2016). В исследовательском мейнстриме закрепляются понятия «культурная память», «историческая память», «политика памяти».

Дискурс Memory Studies, несмотря на заданную смысловую ретроспективность – парадоксальным образом становится актуальным направлением исследований. Анализ наиболее заметных трендов в развитии memory studies осуществил Н. У. Ярычев, выделив среди них: институционализацию (организационно-структурную поддержку мемориальных исследований в формате институтов, центров, научных школ, специализированных конференций, тематических журналов); количественную мультипликацию (увеличение объема мемориальных работ); диверсификацию предметной области memory studies (экспансия в смежные области знания); рост тематического разнообразия, расширение географических границ; методологический плюрализм (обращение к методологическому арсеналу различных гуманитарных наук); демократизацию (расширение состава познающих субъектов, упрощение процессов доступа к информации, к ее интерпретации) (Ярычев 2021: 24).

Вполне закономерно, что тема памяти, исторического прошлого как поиска скрепляющих культурных основ – оказывается неразрывно связанной с проблемами идентичности, демонстрируя этот синтез в концепте «мемориальной идентичности». Последняя понимается исследователями как: «темпоральная (ретроспективная) связь отдельного человека или коллектива с социальной и/или пространственной средой обитания» (Шуб 2022: 75).

В подобной интерпретации мемориальная идентичность становится объединяющим базисом осознания собственного места в истории и истории самого места, оказывающего воздействие на самоидентификацию.

Проявления мемориальной идентичности в ее материализации (предметная выделенность) и концептуализации (терминологическая определенность) – существуют сегодня в напряженном дискуссионном поле обретения истины как «борьбы нарративов различных мнемонических акторов» (Летняков 2021: 61). Не пытаясь в контексте данной статьи выйти к искомой определенности, обозначим некоторые направления актуальных исследовательских поисков.

Память места и места памяти

Изучение мемориальной идентичности осуществляется в русле концепций «исторической памяти», хотя П. Нора и обращает внимание на явные расхождения содержательно-смысловой природы истории и памяти: «Мы отдаем себе отчет в том, что всё противопоставляет друг другу эти понятия, далекие от того, чтобы быть синонимами. Память – это жизнь, носителями которой всегда выступают живые социальные группы, и в этом смысле она находится в процессе постоянной эволюции, она открыта диалектике запоминания и амнезии, не отдает себе отчета в своих последовательных деформациях, подвластна всем использованиям и манипуляциям, способна на длительные скрытые периоды и внезапные оживления. История – это всегда проблематичная и неполная реконструкция того, чего больше нет. Память – это всегда актуальный феномен, переживаемая связь с вечным настоящим. История же – это репрезентация прошлого» (Нора 1999: 20).

Проблематизация подходов к исторической памяти – вопрос, характерный для ситуации мировоззренческих и идеологических оснований обретения идентичности поколений, особенно в обществах, прошедших через кризисные этапы национального самоопределения, «недавно переживших политическую нестабильность и стремящихся закрепить новый демократический порядок и новую политическую формацию» (Pušnik 2019: 433).

Такой процесс «пересборки» идентичности особенно заметен в контексте обращений к актуальным исследованиям проблематики памяти на страницах международного тематического издания «Memory Studies». Приведем в качестве примеров исследования последних лет, явно иллюстрирующие указанные тенденции:

- дискурс посткоммунистической поколенческой идентичности в Румынии (поколение 70-х–80-х) как ностальгическая установка «назад в прошлое» (Pohrib 2019);
- процесс архивирования негативных воспоминаний о Великом голоде в Китае через медиатизированные инструменты канонизации «нового прошлого» для поколений, нуждающихся в созидательной исторической опоре (Gustafsson 2019);
- политика забвения как «администрируемого прошлого» в официальном мемориальном дискурсе аргентинского общества, стремящегося пережить травматичный опыт воспоминаний о терроре (Da Silva Catela 2015) или поколений диктатуры Пиночета в Чили (Piper-Shafir 2018);
- конфликт несовместимой истории воспоминаний, переживаемых евреями и палестинцами «в одном ландшафте, но с различными субъектными позициями и ментальными рамками» (Assmann 2018: 287) и многие другие.

При этом важно подчеркнуть, что политика памяти, «работающая» на создание базиса идентичности, несмотря на обращенность к событиям прошлого и историческим фактам, все же, в достаточной мере подвижна и в известной мере – манипулятивна: зависима от социокультурного контекста, артикулируемого запроса целевых аудиторий, интересов элит, общей конъюнктуры времени. О. Б. Леонтьева, определяет эту особенность как переход от изучения истории – к изучению смыслов, бытующих в коллективном сознании (Леонтьева 2015). Д. А. Аникин указывает на «пластичность и селективность памяти», описывая инструментальный характер коллективных воспоминаний и их динамичную природу (Аникин 2020: 67).

В этом смысле, большей определенностью и непротиворечивостью трактовок, казалось бы, могут обладать пространственные ареалы памятных мест. М. Хальбвакс в попытке описания механизма коллективной памяти прибегает к ландшафтным метафорам, уподобляя «рамки памяти» естественным границам, которые позволяют задержаться воде во время отлива, формируя четкие границы воспоминаний (Хальбвакс 2007: 14).

И, тем не менее, «память места», в том числе – и в предметной выраженности конкретного памятника – также стремится к мифологизируемому вектору, характерному для конструируемой природы прошлого. Согласимся с культурологом С. С. Соколовым в том, что «сам объект (артефакт) избирается в определенной мере произвольно, а доминирующую роль в этом играет формируемый и формулируемый общностью социокультурный контекст. Он в свою очередь обусловлен как еще более широким кругом состояний и факторов «среды обитания» группы, определяющих коллективные потребности, так и интенциями, возникающими в силу внутрigrупповых коллизий» (Соколов 2014: 35).

Символические маркеры, образы и нарративы репрезентируют репертуар культурной памяти, актуализируя прошлое в мифе: «Одним из наиболее понятных нарративов для большинства людей является миф – который представляет собой эмоционально окрашенный сюжетный текст, доступно объясняющий фрагменты коллективной памяти и участвующий в процессах интерпретации прошлого и настоящего» (Федотова 2022: 58).

Особенно заметно, на наш взгляд, проявлены ресурсы культурного сторителлинга (легенды, мифы, предания) при обращении к археологической тематике, стимулирующей туристическую активность различных аудиторий: «Можно сказать, что туристы сегодня едут не на строгую и фактологически доказуемую историко-культурную информацию о туристических объектах, а, скорее, на привлекательные географические образы, отражающие феномены интересующей их культуры. Здесь находится источник формирования базовых туристических мотивов» (Ширинкин 2018: 76). Параллельно, возникают дискуссии о снижении значимости культурно-исторического наследия, мифологизации как профанации фундаментального знания.

Эта коллизия между строгостью научного знания и потребностью в мифо-переживании – становится симптоматикой духовно-символического пространства современного «общества впечатлений» (Г. Шульце), стремящегося к формированию мемориальной идентичности на базе принадлежности к легендарному прошлому.

Аркаим: историческое наследие или «место силы»: самоопределение аудитории

В Челябинской области функционирует археологический памятник Аркаим, совмещающий функции заповедника (культурно-историческая ценность, репрезентация с позиций археологического знания) и места паломничества для отдельных групп аудитории (эзотерический шлейф восприятия места памяти).

Исследовательские срезы с различных туристических групп (Святославский 2010; Ширинкин 2020) демонстрируют заметный спрос на присутствие символического ресурса, «туристического легендирования» в восприятии археологических образов.

Обратимся к возможным интерпретациям памятника с точки зрения жителей Челябинской области. Опрос был проведен автором в очном и дистанционном (рассылка по электронной почте конкретному адресату в соответствии с заданными параметрами выборки) форматах в мае 2021 года (опрошено 500 человек, выборка строилась на основе квотного многоступенчатого отбора; ключевые параметры – пол и возраст респондентов).

Идентификация аудиторий через археологический компонент мемориальной идентичности (рассмотрение археологического наследия как значимого параметра культурной памяти региона) проявлена на уровне заметной лояльности: 56% опрошенных фиксируют наличие интересных археологических объектов и памятников на территории Южного Урала; еще 27% – определяют уникальность региона именно в контексте археологического наследия. Причем, из 117 упоминаний о достопримечательностях Южного Урала (открытый вопрос) – в 84 случаях фигурировал именно Аркаим. При конкретизации отношения жителей к археологическому памятнику Аркаим, 28% обозначали его как «уникальный памятник мировой археологии» (в противовес 8% – сводящим его лишь к региональным достопримечательностям) и «одно из самых известных археологических мест в России» (48,3%).

Если рассматривать мемориальную идентичность на пересечении двух составляющих: ценностно-символической (сохранение памяти о прошлом как основания культурно-цивилизационной причастности) и ресурсно-имиджевой (повышение узнаваемости территории через ее туристическое продвижение) – то, как минимум на декларативном уровне, лидирует первая: 50,3% против 32%. Такое разделение мы вводим в большей мере как условное, признавая, что символический капитал места в сознании человека чаще всего переплетен с архетипическими образами прошлого («истоки цивилизации», «культурная память») и прагматическими аспектами имиджевого позиционирования территории («узнаваемый культурный памятник», «туристический объект»).

В одном из вопросов анкеты респондентам предлагалось выбрать три позиции, связанные с информационным продвижением темы Аркаима, которые закрепляются у них как узнаваемые ассоциативные маркеры или своеобразные информационные теги данного места. Условно, полученные результаты мы можем разделить на три обобщенные группы:

- 1) *нарративы легитимной интерпретации* (указание на факты, научные гипотезы, процессуальную археологию, культивирование различных аспектов использования археологического наследия);
- 2) *ресурсные маркеры* (акцентирование внимания на практических возможностях использования объекта, событийных или иных способов его освоения);
- 3) *нарративы де-профессиональной популяризации* (указание на духовно-мистические, эзотерические или псевдонаучные версии происхождения и актуального состояния места).

При детализации, становится заметным лидерство нарративов легитимной интерпретации. Хотя количество приводимых для оценки позиций (конкретные теги, по отношению к которым предлагалось проголосовать опрошенным) и не было равномерно представленным, можно сравнить процентное соотношение выборов респондентов по отношению к каждому из них.

Нарративы легитимной интерпретации:

- Место раскопок, исторических находок – 45%;
- Археологическое наследие, эпоха бронзы – 39,3%;
- Место научных исследований археологов – 22,6%;
- Природно-ландшафтный заповедник – 21,3%.

Нарративы де-профессиональной популяризации:

- Место притяжения для паломников – 27%;
- Энергетический очаг, место духовной силы – 23,3%;
- Прародина славянской культуры – 9%;
- Прародина ариев – 7,3%;
- Родина Заратустры – 4%.

Ресурсные маркеры:

- Познавательный туристический объект – 31,6%;
- Место проведения фестивалей и фольклорных праздников – 6,6%.

Используя принцип корреляции между различными вопросами, мы выбрали лидирующие позиции репрезентации нарратива де-профессиональной популяризации: «Аркаим как место притяжения паломников» и «Аркаим как энергетический очаг, место духовной силы» и сопоставили их с выбором ответов на вопрос: «Откуда Вы получаете информацию об Аркаиме?». Как оказалось, среди тех, кто воспроизводит данные нарративы, больше всего респондентов, которые, в первой позиции («место притяжения паломников») доверяют рассказам знакомых, друзей и коллег, побывавших на Аркаиме; а во второй позиции («энергетический очаг») – тех, кто ориентирован на репортажи местных телекомпаний.

Внедрение в информационную повестку материалов, воспроизводящих нарративы мистического, неопознанного и таинственного – ориентированы на «подогревание» интереса воспринимающей аудитории и во многом влияют на туристическую привлекательность места. С одной стороны, подобные коннотации способствуют узнаваемости объекта: так, в исследовании М. В. Загидуллиной, построенном на анализе истории запросов в интернет-поисковиках, динамика интереса аудитории к Аркаиму оказалась сопоставимой со Стоунхенджем (Загидуллина 2017). С другой стороны, подобная популярность нередко трактуется исследователями как весьма спорная.

В отдельных позициях заметна гендерная специфика восприятия информации: описание туров и экскурсий, проводимых на Аркаиме, связь энергии Аркаима с астрологическими циклами, мистические свойства этого места – информация, волнующая женщин в несколько раз больше, чем мужчин. С точки зрения возрастной дифференциации, интересно соединение двух равных сегментов внутри аудитории 18-24 лет: 22% тех, кто заинтересован в разоблачении «псевдонаучных мифов» об Аркаиме специалистами и учеными и 21% тех, кому интересна, по сути, противоположная по направленности информация про «связь энергии Аркаима с астрологическими циклами, мистические свойства этого места».

В целом же, можно увидеть разнообразный спектр тем, вызывающих равномерный (без явных «перепадов») интерес широкой аудитории к вопросам археологии и теме Аркаима.

История открытия памятника, древние культы и ритуалы, гипотезы о происхождении племен, создавших Аркаим, научные открытия и исследования синташтинской культуры – вопросы и проблемы, окутанные ореолом всегда неразгаданной «тайны прошлого» и вызывающие устойчивое публичное внимание читателей, зрителей или слушателей, стремящихся понять и осмыслить собственную принадлежность к истории прошлого. Как писала Алейда Ассман: Места в этом смысле могут быть определены как конденсация исторических событий, как сгущение и материализация истории, как осязаемые носители знаков и следов, которые в конечном итоге уничтожаются или сохраняются, отбрасываются или расшифровываются, маркируются или не маркируются, забываются или вспоминаются...» (Assmann 2018: 288).

Продуктивно работающим видится нам поиск примиряющих основ между легендой и исторической достоверностью по аналогии с «реальными воплощениями проективных утопий», описанных С. С. Соколовым в концепте «фантархитектуры»: «От образов принципиально произвольных архитектурных фантазий, сугубо условных и категорически несбыточных, артефакты фантархитектуры отличает внутренняя интенция к возможности осуществления их пластических решений в пространстве неких иных координат: в мифологическом прошлом, в мечтаемом будущем, в иных измерениях светского и религиозного толка» (Соколов 2022: 57).

Вполне возможно, что потребитель культуры XXI века, стремящийся к обретению идентичности в культурно-историческом прошлом, увидит привлекательные образы и в «фантархеологии».

Список источников

1. Аникин Д. А. Трансфер прошлого: культурная память в условиях миграционных потоков // Вестник Томского государственного университета. 2020. № 452. С. 66–72.
2. Ассман А. Новое недовольство мемориальной культурой / пер. с нем. Б. Хлебникова. – Москва: Новое литературное обозрение, 2016. 232 с.
3. Ассман Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / пер. с нем. М. М. Сокольской. Москва: Языки славянской культуры, 2004. 368 с.
4. Загидуллина М. В. Как измерить популярность Аркаима? Голоса встроенных метрик в контексте теории панмедиатизации // Горизонты цивилизации. 2017. № 8. С. 38–67.
5. Леонтьева О. Б. Образы исторической реальности в современной отечественной историографии // Историческая экспертиза. 2015. № 2. С. 4–19.
6. Летняков Д. Э. Оспариваемое прошлое: к обоснованию плюралистического подхода к исторической памяти // Научный журнал «Дискурс-Пи». 2021. Т. 18. № 2. С. 61–76.
7. Нора П. Между памятью и историей, проблематика мест // Франция-Память. Санкт-Петербург : Изд-во СПб. ун-та, 1999. С. 17–50.
8. Святославский А. В. Городской монумент как объект восприятия (некоторые аспекты современной мемориальной культуры) // Преподаватель XXI век. 2010. № 1-2. С. 356–364.
9. Соколов С. С. Проблемы исторической памяти и актуальные социокультурные контексты археологического памятника // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. 2014. № 2 (38). С. 39–44.
10. Соколов С. С. Фантархитектура как реальное воплощение проективных пластических утопий // Челябинский Гуманитарий. 2022. № 2 (59). С. 56–61.
11. Федотова Н. Г. Практики визуализации нарративов культурной памяти города: бренд города как миф // Праксема. Проблемы визуальной семиотики. 2022. № 1 (31). С. 54–74.

12. Хальбвакс М. Социальные рамки памяти. Москва : Новое издательство, 2007. 312 с.
13. Ширинкин П. С. Пропульсивное влияние символических ресурсов на развитие туристической территории // Человек. Спорт. Медицина. 2020. Т. 20. № 52. С. 151–156.
14. Ширинкин П. С. О некоторых эволюционных аспектах использования символических ресурсов и внедрения туристического легендирования в развитие регионального туризма и образовательной деятельности в высшей школе // География и туризм. 2018. № 2. С. 76–81.
15. Шуб М. Л. Мемориальная идентичность в структуре локальной идентичности жителей индустриальных городов Южного Урала // Дискурс-Пи. 2022. Т. 19. № 2. С. 72–87.
16. Ярычев Н. У. Актуальные мемориальные исследования: ключевые тренды и перспективы развития // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. 2021. № 57. С. 23–28.
17. Assmann A. One land and three narratives: Palestinian sites of memory in Israel // *Memory Studies*, 2018. Vol. 11. No 3. P. 287–300.
18. Da Silva Catela L. Staged memories: Conflicts and tensions in Argentine public memory sites // *Memory Studies*. 2015. Vol. 8. No 1. P. 9–21.
19. Gustafsson K. Chinese collective memory on the Internet: Remembering the Great Famine in online encyclopaedias // *Memory Studies*, 2019. Vol. 12. No 2. P. 184–197.
20. Piper-Shafir I. Memory sites: Visiting experiences in Santiago de Chile // *Memory Studies*. 2018. Vol. 11. No 4. P. 455–468.
21. Pohrib C. The Romanian “Latchkey Generation” writes back: Memory genres of post-communism on Facebook. *Memory Studies*. 2019. Vol. 12. No 2. P. 164–183.
22. Pušnik M. Media memorial discourses and memory struggles in Slovenia: Transforming memories of the Second World War and Yugoslavia // *Memory Studies*. 2019. Vol. 12. No 4. P. 433–450.

References

1. Anikin D. A. (2020). Transfer proshlogo: kul'turnaya pamyat' v usloviyakh migratsionnykh potokov [Transfer of the past: cultural memory in the context of migration flows]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, 452, 66–72. (In Russ.).
2. Assman A. (2016). *Novoe nedovol'stvo memorial'noy kul'turoy* [New dissatisfaction with memorial culture]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 232 p. (In Russ.).
3. Assman Ya. (2004). *Kul'turnaya pamyat': Pis'mo, pamyat' o proshlom i politicheskaya identichnost' v vysokikh kul'turakh drevnosti* [Cultural memory: Writing, memory of the past and political identity in the high cultures of antiquity]. Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury, 368 p. (In Russ.).
4. Zagidullina M.V. (2017). Kak izmerit' populyarnost' Arkaima? Golosa vstroennykh metrik v kontekste teorii panmediatizatsii [How to measure the popularity of Arkaim? Voices of Embedded Metrics in the Context of Panmediatization Theory]. *Gorizonty tsivilizatsii*, 8, 38–67. (In Russ.).
5. Leont'eva O. B. (2015). Obrazy istoricheskoy real'nosti v sovremennoy otechestvennoy istoriografii [Images of historical reality in modern Russian historiography]. *Istoricheskaya ekspertiza*, 2, 4–19. (In Russ.).
6. Letnyakov D. E. (2021). Osparivaemoe proshloe: k obosnovaniyu plyuralisticheskogo podkhoda k istoricheskoy pamyati [The Contested Past: Towards a Justification for a Pluralistic Approach to Historical Memory]. *Nauchnyy zhurnal Diskurs-Pi*, Vol 18, 2, 61–76. (In Russ.).
7. Nora P. (1999). Mezhdru pamyat'yu i istoriey, problematika mest [Between memory and history, the problem of places]. *Frantsiya-Pamyat'*. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University Publ., 17–50. (In Russ.).
8. Svyatoslavskiy A.V. (2010). Gorodskoy monument kak ob'ekt vospriyatiya (nekotorye aspekty sovremennoy memorial'noy kul'tury) [City Monument as an Object of Perception (Some Aspects of Modern Memorial Culture)]. *Prepodavatel' XXI vek*, 1-2, 356–364. (In Russ.).
9. Sokovikov S. S. (2014). Problemy istoricheskoy pamyati i aktual'nye sotsiokul'turnye konteksty arkhologicheskogo pamyatnika [Problems of Historical Memory and Current Sociocultural Contexts of an Archaeological Site]. *Vestnik Chelyabinskoy gosudarstvennoy akademii kul'tury i iskusstv*, 2 (38), 39–44. (In Russ.).
10. Sokovikov S. S. (2022). Fantarkhitektura kak real'noe voploshchenie proektivnykh plasticheskikh utopiy [Fantasy architecture as a real embodiment of projective plastic utopias]. *Chelyabinskij Gumanitarij*, 2 (59), 56–61. (In Russ.).
11. Fedotova N. G. (2022). Praktiki vizualizatsii narrativov kul'turnoy pamyati goroda: brend goroda kak mif [Practices of visualization of narratives of the cultural memory of the city: the brand of the city as a myth]. *Praksema. Problemy vizual'noj semiotiki*, 1 (31), 54–74. (In Russ.).
12. Khal'bvaks M. (2007). *Sotsial'nye ramki pamyati* [Social framework of memory]. Moscow: Novoe izdatel'stvo, 312 p. (In Russ.).
13. Shirinkin P. S. (2020). Propul'sivnoe vliyanie simvolicheskikh resursov na razvitie turisticheskoy territorii [Propulsive Influence of Symbolic Resources on the Development of a Tourist Territory]. *Chelovek. Sport. Meditsina*, Vol 20, 52, 151–156. (In Russ.).
14. Shirinkin P. S. (2018). O nekotorykh evolyutsionnykh aspektakh ispol'zovaniya simvolicheskikh resursov i vnedreniya turisticheskogo legendirovaniya v razvitie regional'nogo turizma i obrazovatel'noy deyatel'nosti v vysshey shkole [On some evolutionary aspects of the use of symbolic resources and the introduction of tourist legend in the development of regional tourism and educational activities in higher education]. *Geografiya i turizm*, 2, 76–81. (In Russ.).
15. Shub M. L. (2022). Memorial'naya identichnost' v strukture lokal'noy identichnosti zhiteley industrial'nykh gorodov Yuzhnogo Urala [Memorial Identity in the Structure of Local Identity of Residents of Industrial Cities of the Southern Urals]. *Diskurs-Pi*, Vol 19, 2, 72–87. (In Russ.).

16. Yarychev N. U. (2021). Aktual'nye memorial'nye issledovaniya: klyuchevye trendy i perspektivy razvitiya [Current memorial research: key trends and development prospects]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv*, 57, 23–28. (In Russ.).
17. Assmann A. (2018). One land and three narratives: Palestinian sites of memory in Israel. *Memory Studies*, Vol. 11, 3, 287–300.
18. Da Silva Catela L. (2015). Staged memories: Conflicts and tensions in Argentine public memory sites. *Memory Studies*, Vol. 8, 1, 9–21.
19. Gustafsson K. (2019). Chinese collective memory on the Internet: Remembering the Great Famine in online encyclopaedias// *Memory Studies*, Vol. 12, 2, 184–197.
20. Piper-Shafir I. (2018). Memory sites: Visiting experiences in Santiago de Chile. *Memory Studies*, Vol. 11, 4, 455–468.
21. Pohrib C. (2019). The Romanian “Latchkey Generation” writes back: Memory genres of post-communism on Facebook. *Memory Studies*, Vol. 12., 2, 164–183.
22. Pušnik M. (2019). Media memorial discourses and memory struggles in Slovenia: Transforming memories of the Second World War and Yugoslavia. *Memory Studies*, Vol. 12, 4, 433–450.

Информация об авторе

Л. Б. Зубанова – доктор культурологии, профессор, профессор кафедры теории медиа факультета журналистики.

Information about the author

Lyudmila B. Zubanova – Doctor of Cultural Studies, Professor, Professor of the Department of Media Theory, Faculty of Journalism.

Статья поступила в редакцию 18.05.2023; одобрена после рецензирования 26.06.2023;
принята к публикации 28.06.2023.

The article was submitted 18.05.2023; approved after reviewing 26.06.2023;
accepted for publication 28.06.2023.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.